

Весенние праздники... Совсем скоро, когда о снеге начнут забывать, а жёлтые салюты мать-и-мачехи вспыхнут на зелёных склонах, к нам вновь придёт праздник Победы. Воспитательные резервы этого праздника настолько обширны, что пройдёт много лет, а наши сограждане будут помнить: вот здесь, в карауле у памятника павшим, он принял решение всегда служить Родине, как бы трудно ей ни было; вот здесь, у Вечного огня, он узнал, кем и чем оплачено это удивительно синее и глубокое небо, а на Уроке мужества стало ясно, что такое не должно повториться...

Паренёк из села, никогда не писавший стихов, именно там, у памятника, нашептал когда-то первые строчки:

Стоит солдат на пьедестале...
Стоит в звенящей тишине.
Он закалён не хуже стали
На той страде, на той войне...

Он не стал поэтом, но теперь, через десятилетия, понял: тогда совершилось что-то очень важное, после чего нельзя «ни солгать, ни обмануть, ни с пути свернуть». Мы приходим с ребятами к памятнику, и майская зелень словно расступается: каждый из нас испытывает неповторимый миг единения с землёй, нас воспитавшей, с огнём, который не погаснет в сердце, с историей...

Что значит «детство, опалённое войной»? Можно приводить факты, можно аргументировать, а можно провести занятие так, что никаких аргументов не потребуется. Кстати, тема встречи ребятам в тот день

Колонка РЕДАКТОРА

не сообщалась, как не говорилось и о том, что это скорее даже не урок, а классный час, на котором прожитое страной станет достоянием каждого из них...

«Напишите на листах бумаги свои самые заветные желания, — обращается учитель к семиклассникам. — Этого никто не увидит и не услышит; листы не подписывайте». Ошеломлённые таинственным тоном наставника, ребята начали писать. Вот они задумываются, словно пытаясь отыскать мысли за окошком, вот на листах появились первые строчки, а самые заветные желания, даже от товарищей прикрываемые рукой, становятся словами. Вот мальчуган тербит листок, пытаясь отыскать что-то в памяти (ведь мысли-то такие, какие даже самому себе не всегда мог доверить!). Девочка за третьей партой задумалась — кажется, впервые осознала: жизнь — это такой путь, на котором мало одного желания, даже самого заветного.

— Так что же такое детство, опалённое войной? — снова спрашивает учитель, когда листы уже лежат перед ним.

Ребята молчат.

— Вот что это такое, — спокойно отвечает он себе, пристально глядя на класс. (Каждый из ребят при этом уверен, что учитель смотрит именно на него.) Произносит — и на глазах ошеломлённого класса рвёт листы с самыми заветными желаниями.

Молчание устанавливается такое, что громче только грозовые раскаты. Всклипывающих нет: всё-таки семиклассники, к тому же ещё не пришли в себя — ждали чего угодно, но чтобы так...

Конечно, самые суровые факты, самые резкие слова, самые точные описания по силе воздействия не дотягивают до заветных желаний, разорванных в клочки. И методика, применённая учителем, обнаруживает превосходного режиссёра и мастера своего дела.

Каждый человек проявляет в нравах то, что с помощью убеждения глубоко укоренилось в его душе.

Эразм Роттердамский

нуть и майскую синеву, и молодую зелень, и те самые мысли, которые ребята не могли доверить даже товарищам?

Мировая литература такое уже видела. Сначала — «Большие надежды». Потом — «Утраченные иллюзии».

Или это наказание без преступления, война без мира, память о мёртвых без уважения к живым?

Если бы не память, жизнь была бы невозможна; если бы не забывание, жизнь была бы невыносима.

В. Гжегорчик

и яркой, — быть превосходным режиссёром мало. Надо ещё быть человеком, а для этого мало иметь диплом педагога...

Война вошла когда-то в каждый наш дом, и надо научиться наконец, в том числе и во имя памяти и благодарности к павшим, строить мирную жизнь, где ни одно желание не разорвётся и ни одна судьба не будет сожжена на костре.

А может, он просто не ведает, что творит? Вот он неожиданно для ребят разорвал в клочья их самые заветные желания. А надо ли было это делать, чтобы перечерк-

Нет, учитель всё-таки должен знать, чем различаются тема классного часа и жизнь. А когда жизнь, с её желаниями и надеждами, рвётся в клочья во имя темы классного часа, даже самой благородной

Учебный год скоро кончится. Останутся в школе строгие классные (или, наоборот, отстойные) журналы, классные (или не очень) часы, педагогические советы (они же — педагогические просьбы, приказы, требования). И предстоит быть лидером, который не предаст, не забудет, не разорвёт в клочья заветное желание. А пока лето ещё не началось, мы проводим уроки и классные часы, в том числе — на лесной поляне, на берегу реки, в сосновом бору, и учим ребят становиться людьми, а значит — помнить о прошлом, любуясь настоящим. Знать о доблести и мужестве, наслаждаясь многоцветьем настоящей жизни. Вспоминать военное лихолетье, будучи жителями того мира, который, «зелёный снизу, голубой и синий сверху», «встаёт огромной птицей, свищет, щёлкает, звенит». Учить видеть этот мир — значит формировать человека. Учить понимать его красоту — это и значит быть ответственными за эту красоту...

Этот номер журнала — весенний, а быть весенним — высочайшая ответственность: весна — время, когда рождается новая жизнь, а те самые жёлтые салюты мать-и-мачехи призывают нас эту жизнь беречь, сохранять и ценить — такой, какую мы создаём сами, а не только читаем в золоте букв на монументах и угадываем в кадрах кинохроники.

По большому счёту, хранить память о войне — это значит учиться жить в мире. Помнить «о героях былых времён» — значит учиться смотреть не только назад, но и вперёд, в будущее, а это всегда намного сложнее. Отдавать долг почитания — значит строить новую жизнь, мирную.

А этого умения мы за долгие годы так и не обрели. Может, попробуем? **В.Ш**

Л а
Г и